

ЧАСТЬ 1

[Х А О С]

Порядок – это суррогат, насаждаемый властью.
Природа всегда стремится к хаосу.
Кому стоит доверять?

A2

Общественный манифест

Человек тяготеет одновременно к созиданию
и разрушению. Дождись, когда враги натворят бед,
и приди им на выручку: их обвинят, а ты останешься
в выигрыше. Зачем тратить лишние силы?

*Астрид Коннор, член парламента от оппозиции,
личный дневник*

1. СЭМ

Мы в ловушке. Тонкая загородка из стекла и металла — вот все, что отделяет нас от ненависти и лютой злобы. Страх скручивает внутренности, сбивает дыхание.

Папа отрывисто велит водителю увозить нас, но бесполезно — машина окружена.

Лица искажены гневом, рты кривятся, они выкрикивают проклятия. Кто-то бросает кирпич в мое окно, и я невольно вскрикиваю, но стекло выдерживает — оно пуленепробиваемое, так просто его не разбить. Но что, если пытаться снова и снова?

Машина начинает раскачиваться. Люди наваливаются со всех сторон, и нас шатает.

Вой сирен приближается, и толпа вокруг отступает и разбегается. Появляются специальные отряды полиции для противодействия уличным беспорядкам, скрытые стенами щитов и вооруженные дубинками, которые тут же пускают в ход. Повсюду люди и кровь.

Какая-то девушка падает возле нашей машины, но никому до нее нет дела — ее же затопчут и раздавят! Я привстаю, но ничего не вижу.

— Саманта, пригнись! — велит папа.

Шины скрипят. Каким-то чудом водитель, разворачивает машину, слегка заехав на тротуар, и проталкивается сквозь воющую толпу.

На дороге мы ускоряемся, насколько это вообще возможно на запруженных лондонских улицах — не мы одни едем в эту сторону, все бегут от происходящего.

Папа сердито выговаривает в трубку за то, что охрана пропустила засаду. Закончив, он обращается ко мне:

— Саманта, мне срочно нужно на работу. Придется тебе поехать со мной.

Мы ни разу не попадаем на «красный», как будто светофоры специально переключают для нас. Вестминстер обнесен высоким забором, но когда подъезжает наша машина, открываются ворота, и нас впускают во двор. В кольце охраны (кажется, это обычное дело при повышенном уровне опасности) мы торопливо выбираемся из салона и взлетаем по ступеням.

Папа спешно уходит, и я остаюсь в одиночестве. Просто стою и моргаю. В голове пусто, а из всех чувств осталось лишь странное ощущение, словно время изменило свое русло и потекло в обход меня, оставив меня в стороне от происходящего. Мне казалось, что я до сих пор сижу в машине, осажденной бушующей толпой.

Плеча касается холодная рука. Это Астрид Коннор, член парламента от оппозиции и «теневой» министр чего-то там. Мы с ее дочерью ходим в одну школу.

— Саманта, дорогая, ты в порядке? Должно быть, ужасно испугалась. — Она растягивает губы в подобие ободряющей улыбки, но выходит неважно.

Я сглатываю. Не знаю, что ответить, и наконец выдавливаю:

— Можно мне домой? — звучит до отвращения тоненько и жалобно.

— Нужно выяснить. Для начала проверим кордон и найдем, кто сможет отвезти. — Она оглядывается и знаком подзывает одну из секретарш, девушка с готовностью подбегает. — Выпей пока чаю, а я постараюсь тебе помочь.

Меня отвели в кафе и усадили за стол. Принесли чай, и, чтобы не расплескать его, я крепко обхватываю чашку ладонями — руки тряслись.

На стене висит телевизор. По новостям крутят сюжет с места сегодняшних событий, которые называют «происшествием». На Би-би-си вообще любят это слово. Когда я вижу на экране все случившееся: напирющую толпу, машину, тонущую в людском море, — я будто переживаю утро заново. Странное чувство — наблюдать за всем со стороны.

Далее сообщается, что протестующие напали на машину заместителя премьер-министра Грегори, с которым в это время находилась его дочь. На экране появилась наша фотография. Старый снимок с прошлогодних выборов — мне четырнадцать, и я в дурацком платье. Оно голубое, под цвет глаз, как сказала мама, но в таком наряде, да еще когда льняные

волосы завиты в кудряшки, выгляжу я куда младше. У папы серьезное лицо — политическая маска. Раньше казалось, что это выражение легко снимается, теперь же оно как будто приросло — так привыкаешь к посеребренным вискам, хотя от каждого «происшествия» седины прибавляется.

Как только нас упомянули, я принялась медленно считать про себя. Один... два... три... четыре... и тут началось. Телефон завибрировал — полился поток сообщений.

Сэм, ты как?

Нормально.

Что случилось?

Все, что в новостях! Только громче.

Ты где?

Скучаю в ВМ и пью чай.

Видео есть?

Вообще-то не до того было.

Ты как, подруга? Сегодня уроки отменили, хоть бы и завтра не было.

Да. Да!!!

Что ты видела? Испугалась?

Я задумалась. Мы как раз ехали, чтобы подбросить меня в школу, как вдруг... да уж... Развернулся настоящий ад. Сознание заполнила мешанина образов: гневные лица, крики, брошенный в окно кирпич, а потом — полиция и кровь. Ужас в глазах девушки, которая исчезла под ногами толпы у нашей машины.

И я соврала:

Ничего не видела.

[ОБРЕЧЕННАЯ]

А сообщения все шли: школьные друзья, учитель искусства, родственники, даже Сэнди, маленькая дочь лидера оппозиции, — только ленивый не написал. В основном по-разному задавали один и тот же вопрос: «Ты как? В порядке?» И я отвечала: «Да», и, кажется, так оно и было. По крайней мере, я... не пострадала — стекло ведь не разбилось. А если бы разбилось? Но этого не случилось. И все-таки в порядке я не была.

На сообщения я отвечала выборочно и в переписку вступала редко, но ждала при этом только одного звонка, единственного сообщения. И напрасно. Наконец я не выдержала и написала сама: «Привет, мам. Все хорошо. Рада, что тебе не интересно».

Никакого ответа.

2. АВА

Я с облегчением плюхаюсь на скамейку в своем излюбленном местечке — Кенсингтонских садах. Новая ограда вокруг дворца портит вид парка, но отсюда ее незаметно, и к тому же здесь не растут осенние увядающие цветы и не проходят центральные дорожки, а значит, и людей не встретишь.

Солнце в конце сентября ласковое, зеленеет трава на лужайках — по их цвету ясно, сколько труда в это вложено. Дует мягкий ветерок, в отдалении воют сирены. Я притворяюсь, что их вовсе нет, но ведь только благодаря им я не торчу сейчас в школе.

В Лондоне всегда есть место прекрасному. Сначала оно полупрозрачно, но постепенно обретает цвет. Меня не раз поражало это, но теперь я стыдливо отмахиваюсь от таких мыслей. Прощай, мир, здравствуйте, книги. Время утонуть в словах — книги еще одно излюбленное место уединения для меня.

Не вышло — буквы пляшут перед глазами, но отвлекает меня вовсе не боль, новая или заста-

[ОБРЕЧЕННАЯ]

релая, а нечто совершенно иное. В конце концов я сдаюсь и закрываю книгу. Ложусь на скамейку, согнув ноги в коленях, и наслаждаюсь ощущением теплого дерева на руках и спине сквозь тонкую ткань платья. Я зажмуриваюсь на солнце, но все же дрожу.

Почему именно она?

Я не могу отказаться. Даже повышенной стипендии не хватает на все школьные траты. Папа и так работает в несколько смен. Значит, мне придется учить эту девочку, иного выхода нет.

Но почему именно она?

3. СЭМ

Спустя три чашки вестминстерского чаю, два шоколадных батончика и бесконечное количество новостных сводок пришла та же секретарша и сказал, что скоро меня отвезут домой. Все это время я рисовала одолженной ручкой на салфетке (все мои вещи остались в машине) — переносила на нее события сегодняшнего утра. Но им не хватало четкости, правдивости. Чудовищное, бессердечное и жестокое происшествие и все же настоящее. Обнаженное и без прикрас.

Секретарша заглядывает мне через плечо.

— Ого, — восхищается она. — Здорово рисуешь.

Пришел водитель, чтобы забрать меня домой, и я скомкала салфетки и бросила через комнату в корзину — попала с первой попытки.

Поздним вечером я сидела в кровати с карандашом и бумагой для эскизов и пыталась изобразить увиденное — из памяти, а не из телевизора. Наблюдались некоторые расхождения, будто в отличие от меня репортер смотрел на все

через специальный фильтр, какими в новостях обычно «замыливают» картинку, когда хотят скрыть лица. И вот тут я пожалела, что все-таки не сделала хотя бы пару фотографий.

Если еще раз окажусь в гуще протестов, постараюсь об этом вспомнить.

В дверь постучали.

— Да?

Заглянул папа.

— Увидел под дверью свет. Уже поздно, Саманта. Мне кажется, пора ложиться.

Я пожалала плечами. Папа вошел и тут же увидел разложенные на покрывале рисунки. Он подтащил к кровати стул от письменного стола, устроился на нем и взял меня за руку. Давно он не заглядывал в мою комнату, чтобы пожелать спокойной ночи, а ведь никогда не забывал ДО выборов и, уж конечно, теперь не случайно увидел под дверью свет. В таком огромном доме пройти мимо моей двери можно только специально.

— Прости, что бросил тебя утром, — извинился папа. — Как ты себя чувствуешь?

И впервые я честно ответила:

— Не очень хорошо.

— Я тоже. Но никому не рассказывай.

— Одно дело видеть такое по телику, и совсем другое — участвовать... — голос дрогнул.

— Знаю. Не сравнишь.

— Что произошло? Я, конечно, слышала, что говорят в новостях: протесты вызваны безработицей и проблемами с жильем, но разве это зовет такую злобу?